

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Гадылшина Тимура Рифовича
на тему: «Своеобразие натурализма Ф. Норриса»
по специальности 5.9.2 – «Литературы народов мира»

Обращение к творчеству американского писателя Фрэнка Норриса (1870—1902) **актуально** по целому ряду причин, связанных как с особенностями историко-литературного процесса и проблемами его изучения, так и с художественной индивидуальностью автора. 1890-е годы — десятилетие, на которое пришелся период творческой активности Норриса, — отмечены переходным характером в истории литературы США, которая искала в это время пути преодоления викторианских социокультурных условностей и шаблонов и пыталась найти адекватный художественный язык для того, что можно назвать новой стадией «нативизма» — для освоения американской действительности рубежа 19-20 вв. В достаточно широком спектре художественных поисков американских авторов натурализм занимает особое место: новые вызовы, которые стремительная индустриализация и урбанизация ставили перед человеческой природой, разительные изменения в социальном и гендерном самосознании, усложнение представлений о психологии человека и движущих факторах его поведения требовали новых форм репрезентации, недоступных для традиционной реалистической литературы. Сам феномен натурализма, с которым ассоциировал себя Норрис, по-разному понимался в то время и продолжает вызывать споры по сей день. Не скрадывая сложности проблемы, диссертанту удалось убедительно и объемно проследить эволюцию этого концепта в американской и отечественной литературоведческой мысли, воздав должное вкладу своих предшественников, на котором он весьма плодотворно и творчески

выстраивает собственную, глубоко новаторскую концепцию творчества Норриса. Исчерпывающий и объективный анализ отечественной «норрисиады» позволяет Т. Р. Гадылшину прийти к выводу о том, что до сих пор американский автор привлекал внимания исследователей исключительно социологическим измерением своего творчества, что приводило к его атрибуции как «критического реалиста» и оставляло за пределами исследовательского внимания значительную часть его творческого наследия, относя ее либо за счет не стоящей внимания «массовой литературы», либо за счет литературного эпатажа. Здесь уместно вспомнить слова из русскоязычного предисловия к изданию Норриса 1980 г.: «Многие из тех, кто брались судить о нем, видели Норриса таким, каким они *хотели* его видеть». Несомненный научный успех Т. Р. Гадылшина можно связать с его системным подходом к творчеству Ф. Норриса, которое он первым в отечественной американистике описывает как целостное явление во впечатляющем богатстве литературных, культурных и научных связей, как явление, глубоко уходящее корнями в атмосферу «рубежа веков» и вместе с тем не лишенное оригинальности во всех своих жанровых проявлениях.

Четко сформулированные цели и задачи работы определяют ее структуру: она состоит из Введения, трёх глав, Заключения и Библиографии. Каждая из глав начинается с преамбулы, в которой формулируются основные проблемы и задачи данной главы в связи с общим замыслом диссертации, что придает работе целостность, которую нельзя не отметить как свойство глубоко продуманного и хорошо выношенного научного замысла. Сам принцип структурной организации работы оригинален и отмечен весьма самостоятельными методологическими поисками. Своеобразие натурализма Ф. Норриса раскрывается с помощью триады: артистическая авторская натура – маскулинный протагонист-бунтарь – своенравная роковая героиня (каждому из компонентов триады соответствует глава диссертации). Библиография

диссертации насчитывает 338 позиций. Общий объём двухтомной диссертации – 250 страниц.

В обширном **Введении** обосновывается выбор темы исследования, формулируются его цели и задачи, определяется актуальность и новизна работы, обозначена теоретико-методологическая база исследования, включающая наряду с классическими литературоведческими трудами новейшие работы историко-литературного и теоретического характера. Емкое Введение включает и оригинальный очерк жизни и творчества Норриса в контексте научных и культурных влияний, и очерк возникновения и эволюции понятия «натурализм», и анализ рецепции Норриса в США и в нашей стране. Подкупает не только тщательность работы с источниками, но и плодотворное сочетание пиетета перед предшественниками с умением корректно использовать их находки для построения собственной концепции. Справедливо критикуя оценочность и идеологическую ангажированность советской литературной критики в изучении натурализма и творчества Норриса, диссертант противопоставляет ей собственную установку на рассмотрение эстетических категорий в их исторической динамике и художественных явлений вне социологических ярлыков и делает это убедительно и последовательно. Единственный смысловой сбой во Введении можно обнаружить на с. 30, где формулировка объекта и предмета собственного исследования подается как вывод из аннотации трудов К. Белова. Положения, выносимые на защиту, оригинальны и вкуче представляют собой как глубоко новаторское прочтение творчества Ф. Норриса, так и новую ступень в осмыслении натурализма (добавляя к ним, к примеру, концепцию «оптимистического натурализма», которую диссертант обнаруживает в романе «Бликс»).

Глава первая воссоздает человеческий и писательский образ Норриса в его беллетристической и журналистской ипостасях. В первом разделе фактурно представлен биографический материал, необходимый для

понимания истоков творчества и писательской индивидуальности. Обогащают привычные представления о Норрисе наблюдения об интермедиальных влияниях на манеру писателя оперного искусства и опыта его обучения живописи в парижской академии, хотя порой они представлены излишне суммарно (например, т. 1., с. 52 о влиянии Бугро). Второй раздел посвящен литературным дебютам Норриса, зачастую игнорируемым учеными. Помещение их в контекст студенческой жизни и юношеских поисков себя помогает Т. Р. Гадылшину показать, что они являются необходимым этапом его становления как писателя. Третий параграф посвящен анализу научных истоков мировоззрения Норриса. И здесь особенно важным и продуктивным оказывается знакомство диссертанта с трудами Джона Леконта, чье формирующее влияние на Норриса давно уже стало общим местом, но, пожалуй, впервые диссертанту удалось сущностно раскрыть «христианский дарвинизм» Леконта, амбивалентное отношение Норриса к его этической стороне и разглядеть в учении Леконта колыбель американского неоромантизма (т.1, с.77). Убедителен компаративистский раздел о роли Киплинга в становлении Норриса-литератора, хотя порой анализ излишне свернут («Приговор лейтенанта Оутвейта»), ввиду чего не вполне убедительно звучит вывод: «Несомненно, Норрис не столько льстит английскому писателю, сколько иронически воспроизводит особенности его письма» (т.1, с. 78). — см. далее вопрос 2. В целом, продуктивный разговор о Киплинге и Норрисе позволяет уточнить смысл понятия «неоромантизм» и соотнести его с политическими взглядами писателей, с их художественным кредо. Сильной стороной концепции Т. Р. Гадылшина является то, что свойства дарования Норриса оказываются всегда в конечном итоге связаны и с полученным им образованием, и с интеллектуальной работой литератора по осмыслению многочисленных влияний. Так, широта кругозора автора увязывается с самоопределением Норриса как натуралиста, а значит — и с проблемой американского натурализма в целом. Обсуждением именно этой проблемы, а

также правомерности говорить о Норрисе как об «американском Золя», заканчивается глава, что логично подводит нас к двум последующим главам, в которых проблематизируется уже не столько натуралистическая позиция автора и ее истоки, сколько гендерный состав системы персонажей в ее соотнесенности с натуралистической эстетикой.

Акцентуация в натурализме его способности адаптироваться к свежим потокам идей органично определяет вводимую классификацию норрисовских протагонистов по их отношению к жизненным новациям. Во **второй главе** последовательно прослеживаются три этапа художественной эволюции писателя, различаемые по доминирующим темам, лейтмотивам и жанровым особенностям. Помещение в одну плоскость признанных достижений автора с его менее успешными романами и их равно внимательное прочтение помогает диссертанту обнаружить в наследии Норриса актуальную проблематику гендерного беспокойства и подрыва идентичности, а также расовых предрассудков. Несомненный интерес представляют размышления о степени автобиографизма его протагонистов, о магистральном сюжете его произведений — дегенерации, о моральной двойственности примитива, о привычке как защитном механизме от хаоса бытия. Работа чрезвычайно богата мыслью и убедительно иллюстрирует выдвигаемое положение о многосоставной природе натурализма, вовлекая читателя в осмысление вещей «одновременно привычных и экстраординарных, знакомых и чужих, простых и сложных (т.2, с.11)».

Третья глава предлагает прочтение творчества Норриса с точки зрения запечатленного в нем взаимодействия между полами с акцентом на созданные Норрисом женские образы и формирующие их общественные стереотипы и расовые предрассудки автора. Предложенный анализ подтверждает выдвигаемую концепцию творчества Норриса как автора, одним из первых в американской литературе показавшего «конфронтацию, «войну» мужчины и женщины и акцентировавшего биологическую природу их отношений,

определяемую либидо и насилием» (т.2, с.87). В свете литературного новаторства Норриса в изображении женщин на фоне социальной активности последних в реальной жизни совершенно закономерно выглядит сопоставление его достижений с американскими писательницами-современницами. При этом явным перегибом выглядит причисление Кейт Шопен, никогда не занимавшейся политикой, к числу суфражисток (т.2, с.87): «революционность» ее прозы связана отнюдь не с постулируемым политическим активизмом, но с невиданной ранее в США откровенностью в изображении душевных движений ее героинь, обнажением трагического нерва их повседневного существования.

Заключение вписывает объемно и убедительно воссозданную фигуру Норриса в литературный процесс последнего десятилетия 19 века, добавляя важные свидетельства значимости его вклада в дальнейшее развитие американской литературы, обнаруживая их в наследии Скотта Фицджеральда, Хемингуэя, Томаса Вулфа, Дж. Стейнбека, Дона Делило и др., что выводит феномен Норриса на просторы «большого исторического времени».

Хотелось бы специально отметить оригинальную манеру диссертанта работать с первоисточниками: он не посвящает, как это часто делают исследователи, отдельные главы отдельным произведениям или отдельным жанрам, но в каждой из глав работает со всем творчеством Норриса в комплексе, виртуозно избегая при этом повторов, что само по себе заслуживает и уважения, и восхищения. Богатое фактами, логически выверенное, исследование Т. Р. Гадылшина увлекает тщательно продуманным научным сюжетом, в центре которого — судьбы категории натурализма, объемно показанная фигура Фрэнка Норриса и художественное своеобразие его прозы. Исследователь не обходит вниманием ее недостатки, умело вписывая их в собственную концепцию творческой индивидуальности.

Как любое новаторское исследование, диссертация Т. Р. Гадылшина побуждает к размышлениям и вопросам.

1. Как уже говорилось, 1890-е годы — период в истории американской литературы, насыщенный разнообразными идейно-художественными поисками. Диссертант видит основную мишень литературных новаторов, включая Норриса, в «благопристойной традиции», по ведомству которой он, как это и принято, относит У. Д. Хоуэллса и Генри Джеймса. Вместе с тем он утверждает (т.1, с. 5), что «в своём творчестве [Норрис] соединяет художественные методы романтиков и тех, кого в США принято называть реалистами (М. Твен, Г. Джеймс, У.Д. Хоуэллс)» (т.1, с.5). Хотелось бы уточнить: какие новации Генри Джеймса и насколько осознанно использует в своем художественном эксперименте Норрис?

2. Отмечая вторичность ряда мотивов, образов, стилевых особенностей прозы Норриса, диссертант использует для обозначения этой вторичности такие термины как «оммаж» (т.1, с.26, 54, 79, 80) и «стилизация» (т.1, с.89). Наряду с этим упоминается его увлечение пародиями, его сборник «Перевернутые рассказы» (*Perverved Tales*, 1897), где автор имитирует стили современников. Хотелось бы уточнить, как соотносятся в творчестве Норриса оммаж и пародия и насколько релевантно их различие.

Диссертация представляет собой профессионально выполненное, зрелое и продуманное научное сочинение, демонстрирующее хорошее владение научным стилем. Однако, работа не лишена стилистических огрех, когда академический стиль порой сбивается на разговорный: «Писатель отличался проделками на протяжении всего учебного года» (т.1, с.69). «Образ Руфи Морз, девушки из состоятельной буржуазной семьи, не способной оценить Мартина Идена по достоинству и ведущейся лишь на его внезапное обогащение» (т.2, с.93) и др. На с.46 комически звучит перевод из романа «Омут» о музыкантах, поправляющих «фалды пальто»: *coat-tail* — это все-таки фрак, а не пальто.

Вместе с тем, указанные замечания ни в коей мере не умаляют значимости диссертационного исследования, а возникающие вопросы

свидетельствуют о высоком уровне научно-интеллектуального поиска и полемическом потенциале.

Теоретическая значимость работы несомненна. Она вносит весомый вклад в разработку проблемы своеобразия национального (американского) варианта натурализма, а также апробирует целостную оценку эстетических взглядов Ф. Норриса, которая позволяет более полно, чем прежде, описать и осмыслить его роль в становлении литературного натурализма и как его теоретика, и как его практика. Предлагаемый в работе алгоритм исследования натурализма может быть использован при обращении к типологически сходным явлениям словесности.

Научно-практическая значимость диссертации состоит в том, что её результаты могут быть применены при преподавании истории зарубежной (в частности, американской) литературы в высших учебных заведениях, при создании общих курсов по истории литературы, теории литературы, специальных курсов по истории литературы США рубежа XIX–XX вв.

Опубликованные Т. Р. Гадылшиным четыре статьи в рецензируемых журналах соответствуют содержанию диссертации и с достаточной полнотой отражают ее главные положения. Основные научные идеи работы прошли солидную апробацию на многочисленных международных конференциях.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.2 – «Литературы народов мира» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Гадылшин Тимур Рифович заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2 – «Литературы народов мира».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук, профессор,
Доцент кафедры истории зарубежных литератур
Филологического факультета
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

АНЦЫФЕРОВА Ольга Юрьевна

9 мая 2023 г

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (европейская и американская
литература)

Адрес места работы:

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
филологический факультет, кафедра истории зарубежных литератур
Тел.: (812) 328-94-31; e-mail: o.antsyferova@spbu.ru

Подпись сотрудника Санкт-Петербургского государственного университета
АНЦЫФЕРОВОЙ Ольги Юрьевны удостоверяю: